

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-687-697

Научная статья / Research article

Особенности участия ФРГ в миротворческих операциях в Африке на современном этапе

Н.В. Ивкина

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Статья посвящена изучению особенностей участия Германии в миротворческих операциях ООН, ЕС и НАТО в Африке. Актуальность темы исследования обусловлена противоречивостью мнений относительно необходимости сохранения и пролонгирования большинства операций в регионе. В связи с этим рассмотрены мнения экспертов, имеющих оптимистичные и пессимистичные взгляды на данную проблему, выделены этапы эволюции миротворческой деятельности. Целью исследования является доказательство состоятельности допущения критической теории об использовании странами миротворчества в качестве инструмента реализации своих внешнеполитических устремлений. На примере анализа германских усилий по наращиванию своего военного контингента в рамках миротворческих операций ООН и сохранению позиций (вопреки наличию оппозиционно настроенных представителей Парламента) в операциях ЕС и НАТО предлагается выявить причинно-следственные связи такого поведения государства. Для достижения поставленной цели использованы метод историзма, который помог выявить проблемы прошлого, от которых Германия посредством участия в операциях международных организаций пытается избавиться, а также метод сравнительного анализа, регулирующий сопоставление усилий Германии в миссиях с ее внешнеполитическими задачами. Анализ документов рассматриваемых международных организаций, а также законодательных актов и внешнеполитических доктрин Германии позволяет оценить не только законность проведения страной операций за пределами своих границ, но и выявить приоритеты внешней политики для получения достоверных результатов при сравнении. В заключении представлены выводы об эволюции усилий Германии в миссиях ООН, ЕС и НАТО в Африке и моделях поведения страны в операциях международных организаций. Результаты исследования отражают постулаты критической теории в процессе изучения миротворческой деятельности Германии в Африке.

Ключевые слова: миротворчество, ООН, ЕС, НАТО, ФРГ, Бундесвер, критическая теория

Для цитирования: *Ивкина Н.В.* Особенности участия ФРГ в миротворческих операциях в Африке на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 687—697. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-687-697

Germany's Participation in Peacekeeping Operations in Africa at Present

N.V. Ivkina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of Germany's participation in UN, EU and NATO peacekeeping operations in Africa. The relevance of the research topic is due to conflicting opinions about the need to preserve and prolong most operations in the region. In this regard, the opinions of experts with optimistic and pessimistic views on this problem are considered, and the stages of the evolution of peacekeeping

© Ивкина Н.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

activities are highlighted. The purpose of the study is to prove the validity of the assumption of the critical theory of the use of peacemaking by countries as a tool for realizing their foreign policy aspirations. Based on the analysis of German efforts to increase its military contingent in UN peacekeeping operations and maintain positions (despite the presence of oppositional representatives of the Parliament) in EU and NATO operations, it is proposed to identify the cause-and-effect relationships of such behavior. To achieve this goal, we used the method of historicism, which helped to identify the problems of the past that Germany is trying to get rid of by participating in the operations of international organizations, as well as the method of comparative analysis, which regulates the comparison of Germany's efforts in missions with its foreign policy tasks. The analysis of the documents of the international organizations under consideration, as well as legislation and foreign policy doctrines of Germany, allows us to assess not only the legality of the country's operations outside its borders, but also to identify foreign policy priorities in order to obtain reliable results when comparing them. In conclusion, we present the following conclusions: the evolution of Germany's efforts in the UN, EU and NATO missions in Africa. The results of the research reflect the postulates of critical theory in the process of studying German peacekeeping activities in Africa.

Key words: peacekeeping, UN, EU, NATO, Germany, Bundeswehr, critical theory

For citation: Ivkina, N.V. (2020). Germany's Participation in Peacekeeping Operations in Africa at Present. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (4), 687—697. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-687-697

В последнее время в мировой политической науке и аналитике нередко звучит сомнение в том, что миротворчество является эффективным инструментом разрешения локальных конфликтов. Это связано, прежде всего, с тем, что современные конфликты все чаще приобретают затяжной характер и миссии международных организаций не достигают поставленных целей. Так, например, на первом этапе эволюции миротворчества в 1960-х гг. XX в., когда Организация Объединенных Наций (ООН) брала на себя обязательства по урегулированию споров, итогом миссии мог быть отказ одной из сторон от необоснованных притязаний, разделение спорной территории либо появление нового субъекта на карте мира. На втором этапе, охватывающем период 1970—1990-х гг., операции, решающие задачи поддержания мира после гражданских войн, также имели четко очерченные цели и видимые итоги — недопущение возникновения очередных волнений и сохранение стабильной внутривнутриполитической ситуации в отдельных странах.

Текущий, третий этап, начавшийся в 1999 г. и фокусирующийся на защите и стабилизации ситуации на мировой политической арене, отличается тем, что финальная цель очерчена лишь визуально. Не всегда понятно, чем закончится мандат по защите гражданских лиц и содействие правительству в урегулировании внутренних проблем.

Затяжные миротворческие кампании, постоянно увеличивающиеся расходы на них, рост количества жертв среди миротворческого контингента и мирного населения — все это дает повод для критики миссий. Кроме того, это вызывает определенный скептицизм исследователей относительно необходимости дальнейшей пролонгации отдельных миссий ООН [Wittig 2008: 431].

На фоне этого особый интерес вызывает позиция стран, продвигающих идею миротворчества. Одной из таких стран является Германия, которая на протяжении многих лет использует миротворчество в качестве инструмента, с помощью которого можно добиться снятия ограничений на использование своих вооруженных сил за пределами своих границ. На примере миротворческих операций в Африке предлагается рассмотреть роль Германии в миссиях под эгидой ООН и ЕС и оценить немецкий вклад и обоснование оптимистичной позиции страны по вопросу пролонгации пребывания вооруженных сил за рубежом.

Теоретико-методологическое осмысление проблемы

В качестве теоретической базы исследования для доказательства заинтересованности Германии в миротворчестве с целью реализации собственных военно-политических устремлений предлагается использовать

постулаты критической теории с опорой на работы Р. Кокса, М. Даффилда и М. Пью. Отчасти это связано с тем, что данная теория помогает решить дилемму терминологического осмысления проблемы миротворчества, очерченную в ряде работ [Greig, Diehl 2005: 621—645].

По мнению М. Пью, концептуализация понятия «операций по поддержанию мира» (peacekeeping) и связанные с ними «гуманитарные миссии» по оказанию чрезвычайной помощи — не что иное, как поддержание норм глобального управления [Pugh 2004: 39—58; Pugh 2005: 23—42]. В то же время «операции по принуждению к миру» (peace enforcement) можно представить как действия по борьбе с повстанцами и техническому оснащению средствами достижения политического и военного господства [Pugh 2004: 39—58; Tardy 2004]. Следовательно, исходя из данных определений, возникает необходимость доказательства того, что некоторые страны вопреки отсутствию видимых (технических) возможностей для миротворческой деятельности продолжают участвовать в ряде миссий, преследуя определенные внешнеполитические цели.

В то время как большинство классических и производных от них теорий концентрируются на нейтральном императиве решения проблемы с помощью миротворческих операций, критическая теория пытается доказать, что миссии являются элементом глобального управления и служат либо целям существующего мирового порядка, либо реализуют устремления отдельных держав [Duffield 2001: 18]. Представители такого подхода утверждают, что большинство стран, предоставляющих военный контингент для операций, продвигая идею устранения несправедливости и ликвидации внутривнутриполитических противоречий, на самом деле не заинтересованы в полноценном прекращении конфликта.

Роль Германии в актуальных миротворческих миссиях ООН

Единого мнения о начале современного этапа участия Германии в миротворческой деятельности не существует. Российские

исследователи предполагают, что отсчет можно вести с начала — середины 2010-х гг., когда ФРГ проникла в регион Ближнего Востока и после расширения НАТО и ЕС — на часть балканских стран, что укрепило позиции в Средиземноморье [Трунов 2018: 162].

Конкретизируя временные рамки, необходимо отметить, что на стыке 2013—2014 гг. началась фаза активного присоединения Германии к миротворческим операциям. Стоит обратить внимание на Мюнхенскую конференцию 2014 г., на которой президент Германии Йоахим Гаук выступил с приветственной речью «О роли Германии в мире: размышления об ответственности, нормах и альянсах»¹. Основным посылом заключался в том, чтобы показать, что от экономического донора, коим выступала Германия ранее, у правительства и Федерального министерства иностранных дел есть инициативы по превращению страны в одного из гарантов международного порядка и безопасности, в том числе посредством военной помощи².

Согласно Уставу ООН, агрессия Германии во Второй мировой войне и последующее поражение сделали страну «вражеским государством»³. С этого момента словом (законодательные документы) и делом (временное дистанцирование от конфликтов) немецкое правительство пытается доказать свою миролюбивость в отношении устройства мирового порядка. По Основному закону ФРГ, принятому в 1949 г., единственное упоминание о вооруженных силах зафиксировано в п. 3 ст. 4, где отмечается, что «никто не должен принуждаться к несению военной службы с оружием в руках»⁴. Впоследствии, после получения Германией возможности создания

¹ Speech to Open 50th Munich Security Conference // Der Bundespräsident. 31.01.2014. URL: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/EN/JoachimGauck/Reden/2014/140131-Munich-Security-Conference.html> (accessed: 13.08.2020).

² Ibid.

³ Устав ООН // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-viii/index.html> (дата обращения: 12.08.2020).

⁴ Basic Law for the Federal Republic of Germany. 23 May 1949. Last amended on 28 March 2019 // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.btg-bestellservice.de/pdf/80201000.pdf> (accessed: 13.08.2020).

вооруженных сил, закон был расширен, но с пометкой, что «они будут использоваться исключительно для обороны и только в пределах территории государства»⁵.

Несмотря на то что эта пометка сохраняется в Основном законе до сих пор, в 1994 г. Верховный Суд Германии принял решение об отмене конституционного запрета на использование вооруженных сил за пределами своей территории. По мнению ряда экспертов, это связано с тем, что после объединения ФРГ и ГДР и приобретения статуса самого большого и экономически мощного государства в Европе Германия уже не могла позволить себе сохранять статус субъекта, чьи интересы не выходят за пределы собственных границ [Stein 2000: 33—40].

Подобные изменения стали привлекать более пристальное внимание к действиям Германии в силу того, что мировое сообщество сохраняло недоверие к стране, ставшей инициатором двух мировых войн. Но с этого момента начинается поступательное движение германского Бундесвера в сторону присоединения к миротворческой деятельности ООН.

Операции в Африке занимают особое место в немецкой внешней политике в силу того, что этот регион определяется одним из приоритетных Белой книгой Германии⁶.

Говоря об актуальных миссиях ООН в Африке, следует подчеркнуть, что Германия участвует в четырех, среди которых первая и наиболее приоритетная — *Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали (MINUSMA)*, одобренная Советом Безопасности (СБ) ООН в апреле 2013 г. Основными задачами миссии являются поддержание переходного периода в Мали и стабилизация положения в стране, защита

гражданского населения, гуманитарная помощь и борьба с терроризмом⁷.

Реакция немецкого Бундестага на открытие миссии была однозначно положительной: 27 июня 2013 г. было принято решение о предоставлении воздушного коридора и транспорта для переброски необходимых средств в Мали для французских вооруженных сил⁸.

Дальнейшее расширение мандата зависело от интересов Германии в Сахеле и предоставлении возможности со стороны СБ ООН. Что касается интересов Берлина, то, по неоднократным заявлениям канцлера ФРГ Ангелы Меркель, приоритетом является инвестиционная деятельность и перспективы ее расширения, что требует прекращения войн и создания устойчивой системы безопасности в регионе⁹. Также нельзя забывать о том, что Германия с помощью своих экономических возможностей может навязать скрытую конкуренцию Франции в странах Сахеля, которые последняя по праву бывшей метрополии считает своей зоной интересов.

Что касается военно-политических приоритетов Германии, то MINUSMA стала своеобразной проверкой того, даст ли мировое сообщество бывшему «вражескому государству» возможность разворачивать военный контингент за пределами своих границ. Решение оказалось половинчатым: Германии доверили вопросы транспортировки и заправки летательных средств, разведку (используются безоружные разведывательные беспилотники типа Heron, разведывательные танки типа Fennek), снабжение, медицинскую службу и телекоммуникации¹⁰.

⁷ Поддержка политического процесса и содействие стабилизации в Мали // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/minusma> (дата обращения: 10.08.2020).

⁸ MINUSMA und EUTM Mali // Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/ausschuesse/a12_Verteidigung/auslandseinsaetze/auslandseinsaetze/minusma_und_eutm_mali-542482 (accessed: 10.08.2020).

⁹ Ulrich A. Deutschlands Interessen in Westafrika // Tagesschau.de. 13.01.2020. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschland-sahelzone-101.html> (accessed: 10.08.2020).

¹⁰ Der Einsatz in Mali. MINUSMA. January 2020 // Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/resource/>

⁵ Basic Law for the Federal Republic of Germany. 23 May 1949. Last amended on 28 March 2019 // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.btg-bestellservice.de/pdf/80201000.pdf> (accessed: 13.08.2020).

⁶ Weißbuch 2006 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr. 2006. URL: http://www.humanistische-union.de/fileadmin/hu_upload/doku/frieden/weissbuch2006/WB_2006.09.28.pdf (accessed: 15.07.2020).

Как видно, по состоянию на 2020 г., Германия так и не получила широкого мандата для ведения боевых действий в рамках миротворческой миссии MINUSMA в Мали, хотя определенные положительные сдвиги все же наблюдаются. Если раньше основные силы немецкого военного контингента базировались в лагере Кастор в Гао, а также в пункте погрузочно-разгрузочных работ в Бамако, то теперь появилась тенденция к расширению зоны ответственности до центральной части Мали. Кроме того, согласно официальной информации ООН на 30 июня 2020 г., среди европейских стран Германия занимает первое место по количеству предоставляемого военно-технического контингента, опережая при этом Францию и Великобританию¹¹. Все это говорит о том, что Германия подтверждает усилиями собственную значимость для миротворческой операции.

Германия выражает дальнейшую готовность увеличивать свой потенциал именно в рамках данной миссии. Решение о продлении принимают члены Бундестага, которым 6 мая 2020 г. Комитет по иностранным делам рекомендовал пролонгировать участие в операции в Мали в рамках ООН¹². 485 парламентариев проголосовали «за» и 144 — «против»¹³. При этом наибольшее количество несогласных с сохранением военного контингента в Мали — представители партий «Альтернатива для Германии» (AfD) и «Левые» (Die Linke)¹⁴. Представители партий объясняют свою

позицию тем, что продление и расширение мандата Бундесвера не приведет к расширению полномочий Германии в рамках миссии. Это является нецелесообразной тратой государственного бюджета, а участие немецких военных в операции подвергает их опасности из-за устаревшего снаряжения. Кроме того, прогнозируется, что операция MINUSMA может стать вторым Афганистаном¹⁵.

Второй по значимости для Германии операцией под эгидой ООН в Африке является *Миссия Организации Объединенных Наций по проведению референдума в Западной Сахаре (MINURSO)*. Миссия была учреждена в апреле 1991 г. для урегулирования ситуации между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО. Германия присоединилась к миссии также в 2013 г., направив туда своих военных наблюдателей (численностью до четырех человек)¹⁶.

Таким образом, обозначилось скорее формальное, чем реальное участие Германии в многолетней миротворческой операции. Значимость участия в MINURSO для Германии определяется близостью Марокко к европейским границам, а также тем, что Берлин и до присоединения в военном плане вносил финансовую помощь в реализацию этой миссии. Так, по официальным данным, немецкое правительство с 2008 по 2012 г. предоставило добровольный взнос в размере 200 тыс. евро¹⁷. Эти усилия не пропали даром, и в 2017 г. Генеральный Секретарь ООН Антониу Гуттериш назначил представителя Германии Хорста Кёллера своим личным посланником в Западной Сахаре. В его полномочия, продлившиеся до 2019 г., входило продвижение

blob/54076/20df078036f1612b59403074b33f0d68/die-bundeswehr-in-afrika-bei-minusma-data.pdf (accessed: 10.08.2020).

¹¹ Troop and Police Contributors: Germany 2020 // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 10.08.2020).

¹² Antrag der Bundesregierung Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag. 06.05.2020. URL: <https://dip21.bundestag.de/dip21/btd/19/190/1919004.pdf> (accessed: 10.08.2020).

¹³ Namentliche Abstimmung. Bundeswehreinsatzes in Mali (MINUSMA) (Beschlussempfehlung) // Deutscher Bundestag. 29.05.2020. URL: <https://www.bundestag.de/parlament/plenum/abstimmung/abstimmung?id=674> (accessed: 02.08.2020).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Georg Pazderski: Mali droht zum zweiten Afghanistan zu werden // Alternative für Deutschland. 27.01.2017. URL: <https://www.afd.de/georg-pazderski-mali-droht-zum-zweiten-afghanistan-zu-werden/> (accessed: 10.08.2020).

¹⁶ Die Bundeswehr in die Westsahara — MINURSO // Bundeswehr. 2020. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/die-bundeswehr-in-marokko> (accessed: 20.07.2020).

¹⁷ Deutsche Militärbeobachter in der Westsahara // Archiv von Bundesregierung.de. 16.10.2013. URL: <https://archiv.bundesregierung.de/archiv-de/deutsche-militaerbeobachter-in-der-westsahara-402112> (accessed: 05.08.2020).

политического диалога для урегулирования проблемы, что, бесспорно, является неким увеличением доверия к Германии как политической единице в рамках миротворческих миссий ООН.

В 2019 г. в результате очередного продления (до 31 октября 2020 г.) мандата СБ ООН Германии предстояло решить вопрос о сохранении своего минимального контингента (три наблюдателя) в миссии. Бундесвер не рекомендовал Бундестагу сохранять свой статус участника в MINURSO¹⁸. Это обусловлено тем, что немецкие военные наблюдатели не имеют права на участие в боевых действиях, следовательно, их влияние ограничено. Сторонники же продления объясняют свою позицию тем, что это является шансом для Германии остаться причастной к урегулированию конфликта в Западной Сахаре¹⁹. Кроме того, ожидается, что полномочия миссии по мониторингу соблюдения прав человека будут расширены и Германия получит в ее рамках весомые преимущества, так как оказывает гуманитарную помощь Марокко и имеет приоритетный голос при обсуждении проблем беженцев.

Последние две миссии, в которых участвует Германия, — *Миссия ООН в Южном Судане (UNMISS)* и совместная с Африканским союзом миссия *Защита гражданского населения, содействие доступу к гуманитарной помощи и поддержка политического процесса в Дарфуре (UNAMID)*. Несмотря на то что Германия присоединилась к ним значительно раньше, чем к операциям в Мали и Западной Сахаре, ее роль в них еще менее заметна. На 2019 г. немецкий военный контингент составляет всего восемь и шесть человек соответственно²⁰.

¹⁸ Die Bundeswehr in die Westsahara — MINURSO // Bundeswehr. 2020. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/die-bundeswehr-in-marokko> (accessed: 20.07.2020).

¹⁹ Beschlussempfehlung und Bericht des Auswärtigen Ausschusses (3. Ausschuss) // Deutscher Bundestag. 31.01.2020. URL: <https://dip21.bundestag.de/dip21/btd/19/169/1916952.pdf> (accessed: 05.08.2020).

²⁰ Germany // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/germany> (accessed: 10.08.2020).

Как видно из анализа усилий Германии по миротворческим миссиям в рамках ООН, немецкий военный контингент так и не получил доступа к осуществлению военных действий, принимая участие в операциях по поддержанию мира. Хотя Бундестаг (в основном консервативные и социал-демократическая партии, такие как ХДС/ХСС и СДПГ) поддерживает идею расширения влияния Германии в отдельных сферах миротворческой деятельности (прежде всего, речь идет о помощи в обслуживании миссий), существенного результата в обретении новых полномочий пока не наблюдается.

Однако очевидно и то, что Германия ищет возможность использовать действия в рамках миротворчества как инструмент повышения доверия к своему военно-политическому статусу. Это подтверждает идею критической теории о том, что страны в качестве первостепенной задачи ставят прозаические планы — попытку занять какое-либо место в системе глобального управления, а не высокие цели по прекращению конфликтов. Об этом говорит и составляемый ежегодно рейтинг стран, предоставляющих военный и полицейский контингент для операций (табл. 1). По данному рейтингу видно, что Германия старается укрепиться в нем и последние несколько лет демонстрирует более или менее стабильные результаты.

Таблица 1 / Table 1
Место Германии в рейтинге United Nations Peacekeeping (2013—2019 гг.) /
Germany's position in the United Nations Peacekeeping rating (2013—2019)

Год / Year	Место в рейтинге / Position in the rating
2013	49
2014	59
2015	61
2016	46
2017	34
2018	38
2019	36

Источник / Source: составлено автором по данным United Nations Peacekeeping. Troop and police contributors (2013—2019) // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 22.08.2020)

Миссии в рамках Европейского союза и НАТО

Европейские миротворческие миссии заметно отличаются от тех, что проводятся под эгидой ООН.

Во-первых, Европейский союз (ЕС) в научных исследованиях стал восприниматься как самостоятельный актор только в начале 2000-х гг. [Bretherton, Vogler 2006; Koops 2011]. До этого его действия рассматривались в рамках усилий отдельных стран организации.

Во-вторых, хотя Европейский союз и обладает собственными вооруженными силами (EUFOR), единой европейской армии пока не существует. Поэтому в научной литературе для характеристики его миротворческого потенциала существует определение «гражданское миротворчество» [Merlingen, Ostrauskaite 2006: 16] или миростроительство [Richmond 2014: 3—5]. Оно проистекает из теории «нормативной силы» и «гражданской силы». В 1973 г. Ф. Дюшен сформулировал понятие «гражданской силы» [Duchene 1973: 4]. Собственно, он первым и высказал мнение, что Европа и есть тот самый субъект международных отношений, который полагается в первую очередь не на военные, а на гражданские средства. Соответственно, у нее есть все шансы оказывать большее влияние на мировые политические процессы при помощи политического сотрудничества и различных гражданских средств, а также коллективных слаженных действий, которые основываются на социальных гуманистических ценностях — равенстве людей, справедливости, терпимом отношении. Достижение Европы, по мнению Ф. Дюшена, заключается и в том, что «в эпоху своего упадка» регион смог стать не «колонизированной жертвой», а образцом для новой модели поведения актора на международной арене [Duchene 1973: 15].

В свою очередь, понятие «нормативной силы» было концептуализировано И. Маннерсом, который в своих исследованиях делал упор на «идеологическое воздействие международной идентичности и роли ЕС как обладателя «нормативной силы» [Manners 2009]. Он также утверждал, что ЕС — это иная, новая политическая единица, новый актор

международных отношений, который может быть представлен вне контекста военной или гражданской силы Европы [Manners 2009]. Акцент сделан на том, что «нормативная сила» ЕС — это способность влиять на международную политику с помощью универсальных норм и принципов [Whitman 1998: 37]. Все это легло в основу понимания Евросоюзом своей миротворческой миссии — приоритет отдан гражданским инструментам для достижения мира, вынужденно прибегая к военным механизмам.

Нормативные рамки миротворческой деятельности ЕС обеспечиваются Общей политикой безопасности и обороны (ОПБО, CSDP). Существует мнение о том, что европейские миссии имеют существенное значение для операций ООН в зонах конфликтов [Поорун 2020: 40]. Условно миссии, проводимые в Африке, можно разделить на три подкатегории: гражданские миссии (EUCAP Somalia, EUCAP Sahel Mali и EUCAP Sahel Niger), операции по борьбе с пиратством (EUNAVFOR Somalia), миссии по обучению (EUTM Somalia, EUTM Mali, EUTM RCA).

Основными задачами, которые Германия видит в рамках операций ЕС, являются:

- гуманитарные задачи;
- предотвращение конфликтов;
- сохранение мира;
- управление кризисами, включая меры по созданию мира и стабилизации ситуации после конфликтов²¹.

Что касается отношения к операциям ЕС за пределами своих границ, то так же, как и в случае с ООН, внутри Германии мнения разделились. Так, председатель левой фракции в Комитете по иностранным делам Ш. Либич неоднократно высказывался в отрицательном ключе о согласии Бундестага вовлечь Бундесвер в миротворчество в рамках ЕС²². Хотя

²¹ Leitlinien für die gemeinsame Beteiligung des Bundes und der Länder an internationalen Polizeimissionen. Bund-/ Länder-Arbeitsgruppe “Internationale Polizeimissionen”. 2016. S. 7.

²² Opposition sieht Klärungsbedarf bei Somalia-Einsatz // Osnabrücker Zeitung. 10.02.2014. URL: <https://www.noz.de/deutschland-welt/politik/artikel/449836/opposition-sieht-klarungsbedarf-bei-somalia-einsatz> (accessed: 12.08.2020).

следует отметить, что здесь прослеживаются иные причины недовольства, чем в случае с операциями ООН. Левые в целом ставят под сомнение необходимость вовлечения сил ЕС в процесс урегулирования проблем за пределами своих границ в силу того, что это дополнительные (зачастую не окупающие себя) расходы, а также отвлечение внимания от насущных европейских проблем. И, напротив, представители партий ХДС/ХСС, СДПГ выражают еврооптимистическую поддержку действиям Бундесвера. Председатель комитета по обороне Бундестага Х.-П. Бартельс еще в 2014 г. в интервью газете *Mitteldeutsche Zeitung* очертил позицию так: «Правильными являются наши действия по помощи и обучению вооруженных сил Сомали: мы помогаем им, чтобы они могли помочь себе»²³.

Разумеется, интересы Германии не сводятся исключительно к помощи африканским странам.

Во-первых, Германия крайне заинтересована в борьбе с терроризмом, наркотрафиком и нелегальной миграцией в сопредельном с ЕС регионе. Это обусловлено тем, что большая часть бюджета ЕС тратится на борьбу с этими угрозами, а Германия представляет собой основного донора.

Во-вторых, Германия активно примеряет на себя роль «хорошего международного гражданина» [Коорс 2016: 652—680], и активность в миротворческой деятельности ЕС способствует ее укреплению.

Параллельно с усилиями Германии в миротворческой деятельности ЕС необходимо рассматривать и ее потенциал в рамках НАТО. Сложность приобщения НАТО к миротворчеству заключалась в том, что среди стран — членов Альянса зачастую нет единого подхода относительно необходимости привлечения вооруженных сил организации к реализации задач за пределами зоны ответственности. С одной стороны, для реализации миротворческой миссии силами НАТО необходимо было обосновать угрозу США или

Европе (для применения ст. 5 Устава, трактующей нападение на одного члена Альянса как нападение на весь Альянс), с другой — при отсутствии консенсуса среди государств начать военную операцию было невозможно. В целях снятия такого тактического и психологического дисбаланса в понимании региональной обороны и безопасности и отказа от жесткой формулировки основного документа было принято решение, что операции, не связанные со ст. 5, будут для членов добровольными, при этом можно будет привлекать другие стороны, заинтересованные в решении конфликта [Field 1994: 9].

При этом сомнений относительно военно-политических возможностей Альянса не было, но на проведение фактических военных интервенций были согласны не все. Так, например, Франция, которая считала необходимым решать ситуацию в Косово исключительно дипломатическим путем, в результате была вовлечена в военную операцию в Боснии и Герцеговине, хотя в ноябре 1997 г. министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин и его немецкий коллега К. Кинкель написали письмо С. Милошевичу с уверением, что готовы помочь найти политическое решение путем диалога [Weber 1999: 23; Paquez 2003].

Что касается Германии и ее отношения к миротворчеству НАТО, то она была среди тех государств, которые стремились сохранить Альянс хотя бы как гарантию от потенциальных угроз со стороны России, поэтому демонстрировала поддержку операциям за пределами зоны ответственности, в том числе в Африке. Германия принимает участие в операции «Морской страж» (*Sea Guardian*), проводимой под эгидой Альянса в Средиземном море для усиления военно-морского присутствия в регионе и заменившей операцию «Активные усилия» (*Active Endeavour*). Бундестаг одобрил операцию в сентябре 2016 г. и предложил использовать максимально возможное число военнослужащих — 650 солдат²⁴.

²³ Leitlinien für die gemeinsame Beteiligung des Bundes und der Länder an internationalen Polizeimissionen. Bund-/ Länder-Arbeitsgruppe «Internationale Polizeimissionen». 2016. S. 7.

²⁴ Sea Guardian (Mittelmeer) // Deutscher Bundestag. 2018. URL: <https://www.bundestag.de/webarchiv/Ausschuesse/ausschuesse18/a12/auslandseinsaetze/auslandseinsaetze/sea-guardian-483786> (accessed: 12.08.2020).

В отличие от операций в рамках ООН и ЕС область применения вооруженных сил Германии более масштабна в рамках НАТО: она включает контроль воздушного пространства над Гибралтарским проливом; корабли и самолеты Бундесвера мониторят обстановку и следят за морской акваторией, проверяют суда, подозреваемые в связи с террористическими организациями.

Заключение

Опираясь на допущение критической теории об использовании мандата в миротворческих миссиях ООН, ЕС и НАТО для реализации идей внешнеполитического курса, необходимо подчеркнуть, что Германия реализует это в полном объеме. Условно эволюцию приобщения страны к миротворческим операциям в Африке можно охарактеризовать как:

1) поступательное избавление от образа «вражеской страны» (несмотря на то, что в 1973 г. Германия присоединилась к ООН и официально избавилась от этого статуса, у стран-победительниц во Второй мировой войне сохранялось недоверие к ее инициатору);

2) приобретение доверия у международного сообщества в качестве экономического донора миссий;

3) получение доступа к присоединению к миссиям в качестве технического сопровождения и военных наблюдателей;

4) приобщение немецкого военного контингента к проведению боевых действий.

Последний пункт является определяющей целью.

Модель поведения Германии в миротворческих миссиях ООН может быть охарактеризована как «прыжок на подножку уходящего поезда», то есть важно обозначить сам факт присутствия, оказывать максимально допустимую помощь и поддержку, даже

если пока нет причин рассчитывать на расширение военных полномочий. Здесь Германия активно использует исторический опыт других европейских стран, в частности Франции, которая в последний момент заняла место страны-победительницы во Второй мировой войне и со временем приобрела статус политического доминанта в ЕС.

Что касается линии поведения страны в миссиях в рамках ЕС, то здесь можно было бы ожидать от Германии большей активности в силу того, что она играет одну из ведущих ролей в организации. Однако очевидно, что гражданские миссии и охранные функции, которые приоритетны для ЕС в Африке, не помогут немецкой стороне на глобальном уровне. Здесь скорее отрабатываются навыки менеджмента в области регулирования конфликтов, которые потребуются, если Германия получит возможность присоединиться к ведению боевых действий в миротворческих операциях ООН. Также активность в европейских миссиях может быть увеличена в случае нахождения странами — членами ЕС компромисса относительно создания Единой европейской армии. Бундесвер неоднократно демонстрировал свое желание занять место лидера в такой структуре, так как в случае ее создания ЕС четко очертит свои притязания на статус полюса в многополярном мире.

Роль Германии в рамках миротворческой миссии НАТО наиболее противоречива. Следует учитывать, что сама организация создавалась в том числе как форма контроля над предотвращением возникновения реваншистских настроений в Германии. Именно поэтому ранние шаги Берлина в миротворческом процессе были осторожными и неуверенными, но, принимая во внимание подконтрольное положение страны, оказалось, что Германии удалось добиться наибольшего благоприятствования в рамках НАТО.

Поступила в редакцию / Received: 14.08.2020
Принята к публикации / Accepted: 21.09.2020

Библиографический список

Трунов Ф.О. Особенности участия Германии в урегулировании вооруженных конфликтов в Мали и Сомали // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 160—182.

- Bretherton C., Vogler J. *The European Union as a Global Actor*. Abingdon: Routledge, 2006.
- Duchene F. *The European Community and the Uncertainties of Interdependence. A Nation Writ Large?* London: Palgrave Macmillan, 1973.
- Duffield M. *Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security*. London: Zed Books, 2001.
- Field M.R.V. The Brussels Summit: A Military Perspective // *NATO Review*. 1994. Vol. 42. No. 1. P. 7—11. URL: <https://www.nato.int/DOCU/review/1994/9401-2.htm> (accessed: 12.08.2020).
- Greig J.M., Diehl P.D. The Peacekeeping-Peacemaking Dilemma // *International Studies Quarterly*. 2005. Vol. 49. No. 4. P. 621—645.
- Koops J.A. Germany and United Nations Peacekeeping: The Cautiously Evolving Contributor // *International Peacekeeping*. 2016. Vol. 23. No. 5. P. 652—680. DOI: 10.1080/13533312.2016.1235092
- Koops J.A. *The European Union as an Integrative Power: Assessing the EU's "Effective Multilateralism" with NATO and the United Nations*. Brussels: Vubpress, 2011.
- Manners I. The Concept of Normative Power in World Politics // Danish Institute for International Studies. 2009. URL: http://pure.diiis.dk/ws/files/68745/B09_maj_Concept_Normative_Power_World_ (accessed: 01.03.2019).
- Merlingen M., Ostrauskaite R. *European Union Peacebuilding and Policing. Governance and the European Security and Defence Policy*. Routledge, 2006.
- Paquez A.-S. La politique de la France au Kosovo était-elle "gaulliste"? Institut européen de l'Université de Genève, 2003.
- Poopuu B. *The European Union's Brand of Peacebuilding*. Palgrave Macmillan, 2020.
- Pugh M. Peacekeeping and Critical Theory // *International Peacekeeping*. 2004. Vol. 11. No. 1. P. 39—58.
- Pugh M. The Political Economy of Peacebuilding: A Critical Theory Perspective // *International Journal of Peace Studies*. 2005. Vol. 10. No. 2. P. 23—42.
- Richmond O.P. *The European Approach to Peacebuilding*. Palgrave Macmillan, 2014.
- Stein T. Germany's Constitution and Participation in International Peacekeeping Operations // *Asia-Pacific Review*. 2000. Vol. 7. Iss. 2. P. 33—40.
- Tardy T. *Peace Operations in World Politics after 11 September 2001*. London: Frank Cass, 2004.
- Weber H. Retour sur la guerre du Kosovo. Entretien avec Hubert Védrine // *La revue socialiste*. 1999. Vol. 10. No. 2. P. 22—43.
- Whitman R.G. *From Civilian Power to Superpower? The International Identity of the European Union*. London: Palgrave Macmillan, 1998.
- Wittig P. Deutschland als aktive Friedensmacht Plädoyer für die Unterstützung des UNO- Peacekeeping // *Zeitschrift für Politik, Neue Folge*. 2008. Vol. 55. No. 4. P. 435—443.

References

- Bretherton, C. & Vogler, J. (2006). *The European Union as a Global Actor*. Abingdon: Routledge.
- Duchene, F. (1973). *The European Community and the Uncertainties of Interdependence. A Nation Writ Large?* London: Palgrave Macmillan.
- Duffield, M. (2001). *Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security*. London: Zed Books.
- Field, M.R.V. (1994). The Brussels Summit: A Military Perspective. *NATO Review*, 42 (1), 7—11. URL: <https://www.nato.int/DOCU/review/1994/9401-2.htm> (accessed: 12.08.2020).
- Greig, J.M. & Diehl, P.D. (2005). The Peacekeeping-Peacemaking Dilemma. *International Studies Quarterly*, 49 (4), 621—645.
- Koops, J.A. (2011). *The European Union as an Integrative Power: Assessing the EU's "Effective Multilateralism" with NATO and the United Nations*. Brussels: Vubpress.
- Koops, J.A. (2016). Germany and United Nations Peacekeeping: The Cautiously Evolving Contributor. *International Peacekeeping*, 23 (5), 652—680. DOI: 10.1080/13533312.2016.1235092
- Manners, I. (2009). *The Concept of Normative Power in World Politics*. Danish Institute for International Studies. URL: http://pure.diiis.dk/ws/files/68745/B09_maj_Concept_Normative_Power_World_ (accessed: 01.03.2019).
- Merlingen, M. & Ostrauskaite, R. (2006). *European Union Peacebuilding and Policing. Governance and the European Security and Defence Policy*. Routledge.
- Paquez, A.-S. (2003). *La politique de la France au Kosovo était-elle "gaulliste"?* Institut européen de l'Université de Genève. (In French).
- Poopuu, B. (2020). *The European Union's Brand of Peacebuilding*. Palgrave Macmillan.

- Pugh, M. (2004). Peacekeeping and Critical Theory. *International Peacekeeping*, 11 (1), 39—58.
- Pugh, M. (2005). The Political Economy of Peacebuilding: A Critical Theory Perspective. *International Journal of Peace Studies*, 10 (2), 23—42.
- Richmond, O.P. (2014). *The European Approach to Peacebuilding*. Palgrave Macmillan.
- Stein, T. (2000). Germany's Constitution and Participation in International Peacekeeping Operations. *Asia-Pacific Review*, 7 (2), 33—40.
- Tardy, T. (2004). *Peace Operations in World Politics after 11 September 2001*. London: Frank Cass.
- Trunov, F.O. (2018). Features of Germany's Participation in the Settlement of Armed Conflicts in Mali and Somalia. *Current Problems of Europe*, 4, 160—182. (In Russian).
- Weber, H. (1999). Retour sur la guerre du Kosovo. Entretien avec Hubert Védérine. *La revue socialiste*, 10 (2), 22—43. (In French).
- Whitman, R.G. (1998). *From Civilian Power to Superpower? The International Identity of the European Union*. London: Palgrave Macmillan.
- Wittig, P. (2008). Deutschland als aktive Friedensmacht Plädoyer für die Unterstützung des UNO — Peacekeeping. *Zeitschrift für Politik, Neue Folge*, 55 (4), 435—443. (In German).

Сведения об авторе: *Ивкина Наталья Викторовна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ivkina-nv@rudn.ru).

About the author: *Ivkina Natalia Viktorovna* — PhD in History, Senior Lecturer, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ivkina-nv@rudn.ru).